

С. М. Кочои

НАУКА В ПРАКТИКЕ

НАУЧНО-КОНСУЛЬТАЦИОННЫЕ
(ПРАВОВЫЕ) ЗАКЛЮЧЕНИЯ
ПО МАТЕРИАЛАМ УГОЛОВНЫХ ДЕЛ

УЧЕБНО-ПРАКТИЧЕСКОЕ
ПОСОБИЕ

Том 2

• ПРОСПЕКТ •

Самвел Кочои

**Наука в Практике. Научно-
консультационные (правовые)
заключения по материалам
уголовных дел. Том 2. Учебно-
практическое пособие**

«Проспект»

Кочои С. М.

Наука в Практике. Научно-консультационные (правовые) заключения по материалам уголовных дел. Том 2. Учебно-практическое пособие / С. М. Кочои — «Прспект»,

ISBN 978-5-39-247048-8

Во второй том учебно-практического пособия вошли материалы уголовных дел, ставшие предметом исследования автора по запросам участников уголовного судопроизводства с 2021 по 2023 год. Среди них постановления о возбуждении уголовного дела и привлечении в качестве обвиняемого, обвинительные заключения и приговоры. Практически в каждом процессуальном акте найдены нарушения уголовного и (или) уголовно-процессуального законодательства, что выдвигает на первый план проблему профессиональной квалификации судей, прокуроров и следователей. Без ее решения невозможно повысить качество правоприменительной деятельности и обеспечить единообразное применение федеральных законов на всей территории России. Книга поможет следователям, прокурорам и судьям выявить ошибки и недостатки в принимаемых решениях, а адвокатам и другим читателям — узнать, какие обстоятельства могут стать основанием для спорного или необоснованного уголовного преследования. Может быть использована преподавателями и обучающимися юридических университетов (академий, институтов) и факультетов в качестве практикума по уголовному праву и смежным дисциплинам.

ISBN 978-5-39-247048-8

© Кочои С. М.

© Проспект

Содержание

§ 1. Дело о преступлениях, предусмотренных статьями 2911, 306, 327 УК[1]	7
§ 2. Дело о преступлении, предусмотренном статьей 204 УК[6]	12
Конец ознакомительного фрагмента.	17

С. М. Кочои
Наука в Практике
Научно-консультационные (правовые)
заключения по материалам уголовных дел

© Кочои С. М., 2026

© ООО «Перспектив», 2026

§ 1. Дело о преступлениях, предусмотренных статьями 291¹, 306, 327 УК¹

Постановлением старшего следователя СУ СК РФ по <____> области от 11.12.2019 С.Н. обвиняется «в совершении предложения посредничества во взяточничестве, заведомо ложного доноса, хранении в целях использования заведомо поддельного официального документа». Первое из инкриминируемых обвиняемой преступлений, по версии следствия, совершено в феврале 2015 г., второе – мае – июне 2019 г., третье – июле – августе 2019 г.

06.02.2020 заместитель прокурора <____> области утвердил составленное старшим следователем обвинительное заключение.

Сроки предварительного следствия и меры пресечения в виде содержания С.Н. под домашним арестом многократно продлевались.

Как следует из представленных для исследования документов, все преступления, которых инкриминируется обвиняемой, совершены ею в процессе осуществления адвокатской деятельности.

Вину в совершении вышеуказанных преступлений обвиняемая не признала.

В адвокатском запросе поставлен *вопрос следующего содержания:*

«Имеются ли в действиях С.Н. признаки составов преступлений, предусмотренных ст. 291¹ (ч. 5), 306 (ч. 1) и 327 (ч. 3) УК РФ?»

Основное исследование

О наличии признаков состава посредничества во взяточничестве

По версии следственного органа, обвиняемая предложила посредничество во взяточничестве «в виде непосредственной передачи в интересах К.П. взятки должностным лицам следственного органа управления ФСКН России по <____> области, а также содействия взяткодателя в достижении соглашения между ним и взяткополучателем о даче и получении взятки».

Между тем обвиняемая **не могла** предложить совершить и непосредственную передачу взятки, и способствовать сторонам в достижении соглашения. Дело в том, что согласно закону, непосредственная передача взятки по поручению взяткодателя или взяткополучателя не является самостоятельной формой деяния, предусмотренного ч. 1 ст. 291¹ УК РФ, а выступает одним из видов содействия взяткодателя и (или) взяткополучателя в достижении (либо реализации) соглашения между ними о получении и даче взятки. Таким образом, *неверно установлена объективная сторона* инкриминируемого С.Н. преступления.

Имеются сомнения и в том, что орган обвинения установил *время* совершения преступления. В частности, согласно обвинительному заключению, С.Н. предложила А., действовавшему в интересах К.П., выступить посредником 06.02.2015 «в период времени с 12 часов 00 минут до 23 часов 59 минут, более точное время следствием не установлено». Таким же образом описаны действия обвиняемой 09.02.2015 и 10.02.2015 с той лишь разницей, что период времени их совершения оказался еще более длительным и к тому же почти идентичным в эти дни: «с 8 часов 00 минут до 23 часов 59 минут». Как видим, признание невозможности установления «точного времени» не помешало следственному органу с точностью до минуты определить период, которым заканчивается это самое время. Данное обстоятельство приводит к

¹ Параграф основан на материалах заключения, подготовленного в 2021 г.

предположению о том, что указанное в обвинительном заключении время совершения инкриминируемого С.Н. преступления фактически не доказано. В данном случае, таким образом, *можно утверждать о несоответствии обвинительного заключения п. 1 ч. 1 ст. 73 УПК РФ.*

По версии органа обвинения, «не позднее 06.02.2015» у С.Н. возник «преступный умысел» (такого вида умысла, на самом деле, уголовный закон не знает. – С.К.), содержание которого он раскрывает следующим образом: обвиняемая, «осознавая общественно опасный характер своих действий, предвидя неизбежность наступления общественно опасных последствий в виде посягательства на основы государственной власти, подрыва их авторитета, деформирования правосознания граждан, создания у них представления о возможности удовлетворения личных интересов путем подкупа должностных лиц и желая их наступления, предложила А., действовавшему в интересах К.П., выступить посредником во взяточничестве...» Между тем согласно закону, состав посредничества (ст. 291¹ УК РФ) является формальным, тогда как, по версии обвинения, он – материальный. *Любые последствия, в том числе те, которые описывает орган обвинения, лежат за пределами состава посредничества во взяточничестве.* Никакого юридического значения для квалификации преступления они не имеют. Таким образом, *орган следствия неверно установил содержание вины (умысла) обвиняемой, расширив и включив в него элементы, не имеющие какого-либо юридического значения.*

Из текста обвинительного заключения **невозможно понять:**

- *возбуждалось ли в 2015 г. уголовное дело* против лиц, намеревавшихся давать взятку следователю ФСКН через С.Н.?

- *имела ли возможность сама обвиняемая передавать взятку должностным лицам ФСКН, которые отрицали даже факт знакомства с ней* (поскольку это важно для правильной квалификации ее действий, возможно, как приготовление к мошенничеству², которое наказуемо лишь при определенных условиях)?

- *с какими новыми обстоятельствами связано возобновление в 2019 г. уголовного преследования С.Н. по заявлению А., поданного в следственный комитет еще 11.02.2015, если в том же 2015 г. (9 апреля) орган следствия уже отказывал в возбуждении уголовного дела, а УФСБ РФ по <____> области не подтвердило информацию о требовании С.Н. денег от А.?*

Необходимо обратить внимание, что СУ СК РФ по <____> области отменило постановление об отказе в возбуждении уголовного дела в отношении С.Н. по заявлению А., вынесенное СО по Первомайскому району областного центра от 09.04.2015, по истечении больше года со дня его вынесения – 13.09.2019. Между тем **согласно ч. 1.1 ст. 214 УПК РФ отмена постановления о прекращении уголовного дела или уголовного преследования по истечении одного года со дня его вынесения допускается на основании судебного решения, принимаемого в порядке, установленном ст. 125, 125.1 и 214.1 УПК РФ.** Как справедливо обращают внимание в литературе, данная норма ограничивает «полномочие должностных лиц, осуществляющих процессуальное руководство и прокурорский надзор, своей властью отменять постановление о прекращении уголовного дела или уголовного преследования по истечении одного года со дня его вынесения. Для отмены такого постановления руководитель следственного органа или прокурор возбуждают перед судом ходатайство о разрешении отмены постановления о прекращении уголовного дела или уголовного преследования, рассматриваемое и разрешаемое в порядке, установленном ст. 214.1 УПК РФ»³. Следует также напомнить, что введение данной нормы направлено на реализацию постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 14.11.2017 № 28-П, которым признана не

² См. об этом: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 09.07.2013 № 24 (ред. от 24.12.2019) «О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях» // СПС «КонсультантПлюс».

³ Дикарев И.С. Уголовно-процессуальные акты досудебного производства // Уголовное судопроизводство. 2020. № 2. С. 31–35.

соответствующей Конституции Российской Федерации ч. 1 ст. 214 УПК в той мере, в какой в системе действующего правового регулирования содержащееся в ней положение во взаимосвязи с п. 3 ч. 2 ст. 133 УПК позволяет прокурору в течение неопределенного срока отменять вынесенное по реабилитирующим основаниям постановление о прекращении уголовного дела либо уголовного преследования без предоставления лицу, в отношении которого оно вынесено, эффективных гарантий защиты, включая судебную, от незаконного и необоснованного возобновления уголовного преследования⁴.

Таким образом, факт возбуждения уголовного дела в отношении С.Н. представляется незаконным. Вывод органа следствия о наличии в действиях С.Н. признаков преступления, предусмотренного ч. 5 ст. 291¹ УК РФ, как показало изучение представленных документов, вызывает серьезные сомнения.

О наличии признаков заведомо ложного доноса

По версии органа следствия, объективная сторона заведомо ложного доноса, инкриминируемого С.Н., включает *последствия* «в виде нарушения нормальной деятельности органов дознания и предварительного расследования, а также причинения следователю морального вреда». Между тем заведомо ложный донос, предусмотренный ч. 1 ст. 306 УК РФ, имеет формальный состав, и его содержанием *не охватываются* последствия, указанные органом следствия. Таким образом, в обвинительном заключении *неверно установлена объективная сторона* заведомо ложного доноса, и дана неверная оценка виду состава данного преступления, который, вопреки утверждению органа следствия, является не материальным, а формальным.

Неверное установление объективной стороны повлекло *ошибочное определение и содержания субъективной стороны*. По утверждению органа обвинения, С.Н., «реализуя преступный умысел, направленный на заведомо ложный донос о совершении П.В. преступлений, осознавая общественную опасность своих действий, предвидя неизбежность и желая наступления общественно опасных последствий в виде нарушения нормальной деятельности органов дознания и предварительного расследования, а также причинения следователю морального вреда, желая добиться неблагоприятных последствий в отношении П.В. как лица, ведущего предварительное следствие, чем оказать на него непроцессуальное морально-психологическое давление путем инициирования уголовного преследования П.В. ... сообщила выдуманные, не соответствующие действительности сведения об умышленном повреждении П.В. ее автомобиля». Безусловно, никакого предвидения неизбежности наступления последствий и желания их наступления в содержании вины (умысла) при совершении преступления, содержащего формальный состав, не может быть.

Кроме того, обязательным признаком рассматриваемого преступления является *осознание обвиняемой ложного характера доноса*, однако при описании ее вины орган следствия об этом не сказал ничего. Это означает, что *следствием не установлено*, был ли донос заведомо ложным для обвиняемой, охватывался ли ее сознанием ложный характер сообщения о повреждении автомашины.

Наконец, из текста обвинительного заключения **нельзя понять**:

- могли ли на самом деле в действиях П.В. быть признаки составов преступлений, предусмотренных ст. 167 (ч. 1) и 286 (ч. 1) УК РФ, в «доносе», о совершении которых С.Н. обвиняется (поскольку для первого состава обязательным является причинение значительного ущерба, а для второго – существенное нарушение прав и законных интересов граждан или организаций либо охраняемых законом интересов общества или государства)?

⁴ Постановление Конституционного Суда РФ от 14.11.2017 № 28-П «По делу о проверке конституционности отдельных положений Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина М.И. Бондаренко» // СПС «КонсультантПлюс».

- могла ли осознавать С.Н. отсутствие в действиях П.В. признаков составов указанных преступлений, если повреждение в виде деформации на переднем крыле ее автомобиля действительно имело место, а *уголовное дело об умышленном повреждении ее имущества (в отношении неустановленных лиц) все же возбуждалось?*

- *какие новые обстоятельства возникли для повторного уголовного преследования, если перед этим (15.07.2019) Управление МВД России по областному центру уже выносило постановление об отказе в возбуждении уголовного дела «за отсутствием в действиях С.Н. состава преступления, предусмотренного ст. 306 УК РФ»?*

Таким образом, изучив содержание представленных документов, можно предположить, что вывод органа следствия об установлении в действиях С.Н. признаков состава заведомо ложного доноса (ч. 1 ст. 306 УК РФ) является спорным.

О наличии признаков состава хранения в целях использования и использования заведомо поддельного документа

Согласно закону, одним из *предметов преступления*, предусмотренного ч. 3 ст. 327 УК РФ, является официальный документ, предоставляющий права или освобождающий от обязанностей. Как следует из текста обвинительного заключения, предметом инкриминируемого С.Н. преступления орган следствия признал реестр почтовых отправлений. Как разъяснил Пленум Верховного Суда РФ, признавая лицо виновным в использовании заведомо поддельного удостоверения или иного официального документа, предоставляющего права или освобождающего от обязанностей (ч. 3 ст. 327 УК РФ), суд должен установить, «какие именно права мог предоставить этому лицу или иным лицам или фактически предоставил данный поддельный документ либо от каких обязанностей мог освободить или освободил (например, предъявление поддельного диплома об образовании, медицинской книжки для трудоустройства, предъявление поддельного водительского удостоверения инспектору дорожно-патрульной службы для подтверждения права управления транспортным средством и освобождения от административной ответственности)»⁵. Между тем почтовый реестр не мог и фактически не предоставил каких-либо прав С.Н. **Основанием для возникновения права заявлять ходатайство являются соответствующие нормы УПК РФ, а не реестр почтовых отправлений.** Таким образом, *признание органом следствия реестра почтовых отправлений предметом преступления, предусмотренного ч. 3 ст. 327 УК РФ, представляется сомнительным.*

Как следует из текста обвинительного заключения, обвиняемая не только использовала, но и **хранила в целях использования заведомо поддельный официальный документ**, однако какие-либо конкретные обстоятельства, подтверждающие факт такого хранения, в обвинительном заключении не приводятся.

По версии следствия, состав инкриминируемого С.Н. преступления является материальным, поскольку предусматривает наступление общественно опасных последствий «в виде нарушения установленного порядка обращения с официальными документами». *В действительности же состав преступления, предусмотренного ч. 3 ст. 327 УК РФ, имеет формальный состав и не включает какого-либо нарушения порядка обращения с официальными документами.*

Помимо спорного описания объективной стороны преступления, орган следствия неверно установил содержание вины инкриминируемого С.Н. преступления, утверждая, что, совершая его, обвиняемая осознавала общественно опасный и противоправный характер своих действий, предвидела неизбежность и желала наступления общественно опасных последствий. Причем в содержание вины лица, обвиняемого в совершении данного преступления, орган

⁵ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 17.12.2020 № 43 «О некоторых вопросах судебной практики по делам о преступлениях, предусмотренных статьями 324–3271 Уголовного кодекса Российской Федерации» // СПС «Консультант-Плюс».

следствия включил еще и осознание противоправности совершаемых действий, что также противоречит нормам УК РФ (ч. 2 ст. 25) о вине. Вместо этого следовало бы выяснить, *осознавала ли обвиняемая, что документ является поддельным*, поскольку закон говорит не просто о поддельном документе, а о заведомо поддельном документе.

Таким образом, вывод органа следствия о наличии в действиях С.Н. признаков преступления, предусмотренного ч. 3 ст. 327 УК РФ, представляется спорным.

Заключение

Из текста обвинительного заключения и иных представленных для изучения документов *не следует*, что в действиях С.Н. установлены признаки составов преступлений, предусмотренных ст. 291¹, 306 и 327 УК РФ. Данный вывод органа следствия **представляется ошибочным**.

§ 2. Дело о преступлении, предусмотренном статьей 204 УК⁶

Постановлением следователя по особо важным делам первого следственного отделения отдела по расследованию особо важных дел СУ СК РФ по <_____> от 04.08.2021 И.В. предъявлено «обвинение в совершении преступления, предусмотренного п. „г“ ч. 7 ст. 204, п. „г“ ч. 7 ст. 204, п. „г“ ч. 7 ст. 204, ч. 8 ст. 204, ч. 8 ст. 204 УК РФ».

Обвиняемый вину в совершении инкриминируемых ему преступлений не признал.

В адвокатском запросе поставлен вопрос о *«соответствии постановления о привлечении в качестве обвиняемого от 05.08.2021 И.В. в совершении преступлений, предусмотренных п. „г“ ч. 7 ст. 204 УК РФ, п. „г“ ч. 7 ст. 204 УК РФ, п. „г“ ч. 7 ст. 204 УК РФ, ч. 8 ст. 204 УК РФ, ч. 8 ст. 204 УК РФ, положениям УК РФ и УПК РФ, а также определении правильной квалификации деяний»*.

Основное исследование

Вопросы законодательства

1. Уголовная ответственность за коммерческий подкуп установлена в ст. 204 УК РФ (в редакции **Федерального закона от 03.07.2016 № 324-ФЗ**). Часть 7 данной статьи предусматривает ответственность за незаконное получение лицом, выполняющим управленческие функции в коммерческой или иной организации, денег, ценных бумаг, иного имущества, а также незаконное пользование им услугами имущественного характера или иными имущественными правами (в том числе когда по указанию такого лица имущество передается, или услуги имущественного характера оказываются, или имущественные права предоставляются иному физическому или юридическому лицу) за совершение действий (бездействие) в интересах дающего или иных лиц, если указанные действия (бездействие) входят в служебные полномочия такого лица либо если оно в силу своего служебного положения может способствовать указанным действиям (бездействию), при наличии ряда квалифицирующих признаков, в том числе крупного размера. Согласно прим. 1 к ст. 204 УК РФ, *крупным размером* коммерческого подкупа признаются сумма денег, стоимость ценных бумаг, иного имущества, услуг имущественного характера, иных имущественных прав, превышающая 150 000 руб.

Часть 8 ст. 204 УК РФ предусматривает ответственность за незаконное получение лицом, выполняющим управленческие функции в коммерческой или иной организации, денег, ценных бумаг, иного имущества, а также незаконное пользование им услугами имущественного характера или иными имущественными правами (в том числе когда по указанию такого лица имущество передается, или услуги имущественного характера оказываются, или имущественные права предоставляются иному физическому или юридическому лицу) за совершение действий (бездействие) в интересах дающего или иных лиц, если указанные действия (бездействие) входят в служебные полномочия такого лица либо если оно в силу своего служебного положения может способствовать указанным действиям (бездействию), при наличии ряда особо квалифицирующих признаков, в частности особо крупного размера. *Особо крупный размер* коммерческого подкупа также раскрывается непосредственно в прим. 1 к ст. 204 УК РФ и означает сумму денег, стоимость ценных бумаг, иного имущества, услуг имущественного характера, иных имущественных прав, превышающую 1 000 000 руб.

⁶ Параграф основан на материалах заключения, подготовленного в 2021 г.

Отдельные вопросы квалификации коммерческого подкупа разъяснены Пленумом Верховного Суда РФ в постановлении от 09.07.2013 № 24 (в ред. от 24.12.2019) «О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях».

2. «В конце 2015 г. – начале 2016 г.», когда у обвиняемого «возник преступный умысел на получение коммерческого подкупа» (с. 24), действовала ст. 204 УК в редакции **Федерального закона от 04.05.2011 № 97-ФЗ**, по ч. 3 которой квалифицировалось «незаконное получение лицом, выполняющим управленческие функции в коммерческой или иной организации, денег, ценных бумаг, иного имущества, а равно незаконное пользование услугами имущественного характера или другими имущественными правами за совершение действий (бездействие) в интересах дающего в связи с занимаемым этим лицом служебным положением». Квалифицирующими признаками состава данного преступления (ч. 4 ст. 204 УК) признавались группа лиц по предварительному сговору или организованная группой, вымогательство предмета подкупа и его совершение за незаконные действия (бездействие).

Санкции указанных норм также отличались от санкций норм в действующей редакции ст. 204 УК РФ: за действия, вмененные И.В., максимальное наказание было в виде лишения свободы на срок до семи лет со штрафом в размере до сорокакратной суммы коммерческого подкупа, тогда как с 03.07.2016 они стали наказуемы лишением свободы на срок от семи до двенадцати лет со штрафом в размере до пятидесятикратной суммы коммерческого подкупа или без такового и с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до шести лет или без такового.

3. В соответствии со ст. 171 УПК РФ, при наличии *достаточных доказательств, дающих основания для обвинения лица в совершении преступления*, следователь выносит постановление о привлечении данного лица в качестве обвиняемого, которое, в частности, должно содержать:

а) описание преступления с указанием времени, места его совершения;

б) иные обстоятельства, подлежащие доказыванию в соответствии с п. 1–4 ч. 1 ст. 73 УПК РФ (событие преступления [время, место, способ и другие обстоятельства совершения преступления]; виновность лица в совершении преступления, форма его вины и мотивы; обстоятельства, характеризующие личность обвиняемого; характер и размер вреда, причиненного преступлением).

Согласно ч. 4 ст. 7 УПК РФ, постановление следователя должно быть законным, обоснованным и мотивированным.

Вопросы квалификации действий обвиняемого

1. Предметом коммерческого подкупа, согласно закону, выступают:

- деньги, ценные бумаги, иное имущество;
- услуги имущественного характера или иные имущественные права.

В инкриминируемых И.В. четырех преступлениях (предусмотренных каждое из них п. «г» ч. 7 ст. 204 УК РФ) предметом преступления признано *«иное имущество»* (одежда, баулы). По версии следствия, «часть» данного имущества «по указанию И.В. была передана подчиненным ему работникам», которых орган следствия называет «лицами, не осведомленными о его преступных намерениях». Между тем в постановлении нет каких-либо данных о том, **какую часть указанного имущества получил сам И.В. и какую часть (какое именно имущество) он передал лицам, «не осведомленным о его преступных намерениях»**. Более того, ни одно такое лицо в исследуемом документе конкретно **даже не названо**.

В последнем случае возникает еще один вопрос: *какую именно выгоду извлекли сотрудники Обществ, возглавляемых И.В., от передачи им одежды, защищающей от холода, выпускаемой признанным производителем одежды и снаряжения для экстремального туризма, альпинистских восхождений и полярных экспедиций?* Между тем, как показывает анализ п. 23 постановления Пленума Верховного Суда РФ «О судебной практике по делам о взяточничестве

и об иных коррупционных преступлениях», если за совершение лицом, выполняющим управленческие функции в коммерческой организации, действий (бездействие) имущество передается (имущественные права предоставляются, услуги имущественного характера оказываются) «не лично ему либо его родным или близким, а заведомо другим лицам», в том числе юридическим, и лицо, выполняющее управленческие функции, его родные или близкие *«не извлекают из этого имущественную выгоду»*, **содеянное не может быть квалифицировано как коммерческий подкуп.**

Предметом последнего из инкриминируемых И.В. преступлений (пятого, предусмотренного ч. 8 ст. 204 УК РФ) признаны не только «иное имущество», но и *«услуги имущественного характера»*. Если с пониманием в качестве «иного имущества» кухонного гарнитура и бытовой техники проблем не возникает, то остается неясным, что именно органом следствия отнесено к «услугам имущественного характера». В постановлении следователя утверждается, что «в период с 20.05.2017 по 04.08.2017» у И.В. возник «преступный умысел» «на незаконное получение **имущества в виде кухонного гарнитура, бытовой техники, а также на незаконное пользование услугами имущественного характера**» в студии мебели и дизайна До на общую сумму **2 502 321 рубль** в качестве коммерческого подкупа от генерального директора ООО «ЮБ» Н.Н. При этом данное утверждение *противоречит* другому утверждению органа следствия, согласно которому И.В. дал указание своему заместителю Ю.В.И. «потребовать» от Н.Н. «произвести оплату **кухонного гарнитура и бытовой техники**» в студии мебели и дизайна До на общую сумму **2 502 321 рубль** за совершение действий и бездействие в интересах дающей (Н.Н.) и возглавляемого ею юридического лица (ООО «ЮБ»). Однако каким образом *у разного количества предметов подкупа («иного имущества», с одной стороны, «иного имущества» и «услуг имущественного характера», с другой) оказалась одна и та же стоимость (2 502 321 рубль)*, нельзя понять. Подобное положение может быть результатом невыполнения органом следствия одной из рекомендаций Пленума Верховного Суда РФ, согласно которой переданное в качестве предмета коммерческого подкупа *«имущество, оказанные услуги имущественного характера или предоставленные имущественные права должны получить денежную оценку на основании представленных сторонами доказательств*, в том числе при необходимости с учетом заключения специалиста или эксперта»⁷. Данное обстоятельство позволяет говорить о том, что постановление о привлечении в качестве обвиняемого содержит **неполные и противоречивые сведения** о столь важном (причем обязательном) признаке состава инкриминируемого И.В. преступления, **как его предмет.**

Далее в исследуемом документе утверждается, что «в период с 04.08.2017 до 22.11.2017 И.В. в продолжение реализации преступного умысла решил незаконно воспользоваться услугами имущественного характера в виде частичной оплаты стоимости договора оказания услуг на разработку дизайн-проекта интерьера помещения, заключенного между ИП „Л.Д.Ю.“ и И.Н.В., на выполнение работ по разработке дизайн-проекта интерьера квартиры, принадлежащей на праве собственности сыну И.В. – В.И.».

Согласно разъяснениям Пленума Верховного Суда РФ, *под незаконным оказанием услуг имущественного характера* следует понимать предоставление должностному лицу в качестве взятки любых имущественных выгод, *«в том числе освобождение его от имущественных обязательств* (например, предоставление кредита с заниженной процентной ставкой за пользование им, бесплатных либо по заниженной стоимости туристических путевок, ремонт квартиры, строительство дачи, передача имущества, в частности автотранспорта, для его временного использования, исполнение обязательств перед другими лицами)»⁸. Между тем из цитируе-

⁷ Пункт 9 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 09.07.2013 № 24.

⁸ Пункт 9 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 09.07.2013 № 24.

мого документа следует, что договор на разработку дизайн-проекта помещения **заключен между ИП «Л.Д.Ю.» и И.В.** О каком освобождении И.В. от исполнения его обязательств перед другими лицами (т. е. пользовании услугами имущественного характера) в таком случае может идти речь, если указанный договор не возлагал на него каких-либо обязательств? Очевидно, что здесь **предмет коммерческого подкупа отсутствует**.

Поскольку часть эпизодов вменяемых И.В. преступлений (четырёх из пяти) имела место «в конце 2015 г. – начале 2016 г.» (а получение иного имущества, как утверждает орган следствия, имело место «в период с 21.03.2016 по март 2017 г.»), то возникает вопрос о том, *в какой мере орган следствия учел данное обстоятельство при оценке размера подкупа как крупного (п. «г» ч. 7 ст. 204 УК) и как особо крупного (ч. 8 ст. 204 УК)*. Дело в том, что указанные квалификационные признаки введены в ст. 204 УК только с июля 2016 г. (ФЗ № 324 от 03.07.2016), и, соответственно, они согласно ч. 1 ст. 10 УК РФ **не могут иметь обратной силы**. При таких обстоятельствах вменное И.В. преступление может быть квалифицировано только по ч. 3 ст. 204 УК РФ в редакции Федерального закона от 04.05.2011 № 97-ФЗ.

Объективную сторону коммерческого подкупа, вмененного И.В., составляют незаконное получение имущества или незаконное пользование имущественными правами за совершение действий (бездействие) в интересах дающего или иных лиц. При этом закон дифференцирует указанные действия (бездействие), различая:

- а) действия (бездействие), которые *входят в служебные полномочия* обвиняемого;
- б) действия (бездействие), которые *не входят в служебные полномочия* обвиняемого, но которым он может способствовать в силу своего служебного положения.

Пленум Верховного Суда РФ также строго разграничивает указанные действия (бездействие), понимая их следующим образом: «Под входящими в служебные полномочия действиями (бездействием) должностного лица следует понимать такие действия (бездействие), которые *оно имеет право и (или) обязано совершить в пределах его служебной компетенции* (например, сокращение установленных законом сроков рассмотрения обращения взяткодателя, ускорение принятия должностным лицом соответствующего решения, выбор должностным лицом в пределах своей компетенции или установленного законом усмотрения наиболее благоприятного для взяткодателя или представляемых им лиц решения).

Способствование должностным лицом в силу своего должностного положения совершению действий (бездействию) в пользу взяткодателя или представляемых им лиц выражается в использовании взяткополучателем авторитета и иных возможностей занимаемой должности для оказания *любого влияния на других должностных лиц в целях совершения ими указанных действий (бездействия) по службе*, например путем просьб, уговоров, обещаний, принуждения и др.».

Постановление о привлечении И.В. в качестве обвиняемого **подобной дифференциации не знает**. Согласно данному документу, обвиняемый получил имущество «за совершение действий и бездействие в интересах дающего, за способствование указанным действиям, в которые входят оказание содействия в заключении договоров подряда, а именно: прохождение технической квалификации, а также содействие при выполнении работ в рамках уже заключенных договоров, а именно: несоздание препятствий при выполнении работ проверками деятельности подрядчика, беспрепятственное подписание актов выполненных работ и лояльное отношение при проведении проверок».

То есть орган следствия полагает, что И.В. совершил как *действия и бездействие*, входящие в его полномочия, так и *действия*, не входящие в его полномочия (но которым он может способствовать). Однако о том, *какие именно действия и бездействие, входящие в полномочия И.В., последним совершены и каким именно действиям он мог способствовать*, в постановлении не говорится ничего. А это означает, что следствие не установило, **за какие именно**

действия (бездействие) или способствование им в интересах дающего или иных лиц обвиняемый получил незаконное вознаграждение.

Отдельного внимания заслуживает сам перечень действий и бездействия, которые И.В. якобы совершил в интересах дающих, и действий (бездействия), которым он способствовал. Ни одно из них («прохождение технической квалификации, а также содействие при выполнении работ в рамках уже заключенных договоров, а именно: несоздание препятствий при выполнении работ проверками деятельности подрядчика, беспрепятственное подписание актов выполненных работ и лояльное отношение при проведении проверок, способствование заключению новых договоров подряда»), *как в отдельности, так и в совокупности, не может свидетельствовать о подкупе И.В.*

Во-первых, нигде в постановлении о привлечении в качестве обвиняемого **не приведены факты** создания со стороны И.В. «препятствий при выполнении работ» деятельности подрядчика. **Не назван ни один** «акт выполненных работ», подписанию которого он «препятствовал». В документе **нет ни одного примера** «лояльного отношения» к подрядчикам со стороны И.В. при проведении проверок их деятельности или «способствования» с его стороны заключению новых договоров подряда с ними.

Во-вторых, все перечисленные действия имел право совершить и совершал его заместитель – Ю.В.И. Так, в постановлении о привлечении в качестве обвиняемого непосредственно нашел отражение факт передачи полномочий на совершение действий, входящих в компетенцию генерального директора Общества (И.В.), должностным лицам ПАО «ВНГ». Например, *заместителю генерального директора по бурению (Ю.В.И.) предоставлено право по доверенности, в частности, «подписывать договоры (в том числе приложения и дополнения к ним) от имени Общества, акты выполненных работ, акты сдачи-приемки оказанных услуг»*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.